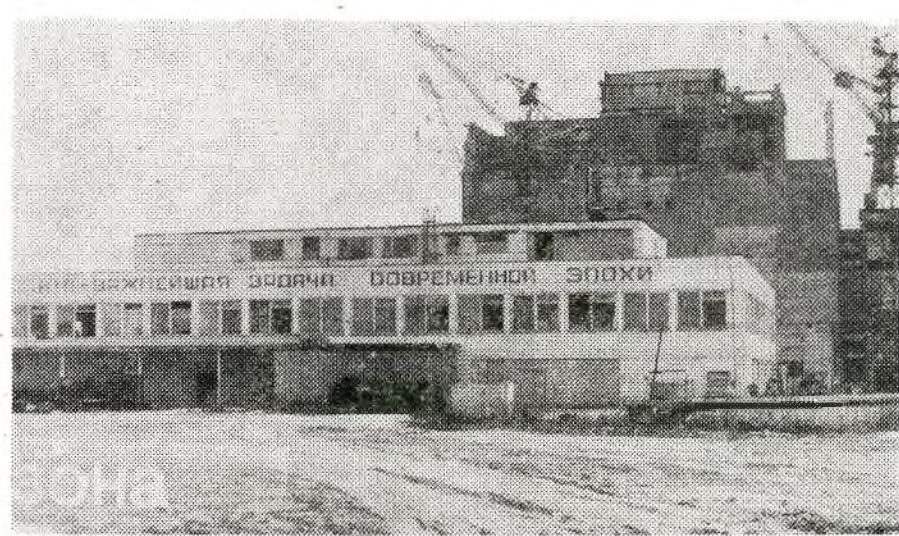

Средств не хватает. И доверия нет

До настоящего времени читатели «ВЧ» были знакомы с деятельностью Администрации зоны отчуждения на уровне ее начальника, заместителя министра Минчернобыля Украины В. И. Холоши, интервью с которым неоднократно появлялись на страницах газеты. Теперь мы представляем слово одному из руководителей отдела научного сопровождения и координации работ Администрации зоны отчуждения Н. Н. УРУПЕ.

С ним встретился корреспондент «Вестника Чернобыля».

— Николай Николаевич, какие функции выполняет ваш отдел и каких принципов в отборе кадров вы придерживались?

— Наш отдел является самостоятельной структурной единицей Администрации зоны отчуждения и подчиняется непосредственно ее начальнику. Отдел сориентирован на управление предприятиями, организациями и учреждениями, находящимися в 30-километровой зоне, в их производственно-технической деятельности, повышению эффективности и интенсификации научных разработок, а также рациональному использованию инвестиций, ресурсов, выделяемых на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы.

Отдел состоит из двух секторов, производственно-технического и сопровождения и координации научно-исследовательских работ. Всего у нас десять специалистов, большинство из которых отработали в зоне отчуждения не один год. Они прежде трудились в различных организациях: НПО «Припять», Чернобыльском управлении эксплуатации водозащитных сооружений, объекте «Укрытие» и других. При наборе мы обращали внимание на такие качества, как высокий профессионализм и желание трудиться во благо Украины. Я рад, что нам удалось сколотить команду именно из таких людей. Лично я являюсь уроженцем здешних мест, до назначения в теперешней должности работал в Иванкове.

— Не считаете ли вы, что ваш отдел в чем-то дублирует работу некоторых предприятий зоны?

— Нет, я так не считаю. Действительно, в зоне есть организации, занимающиеся наукой и производственной деятельностью, однако общее руководство ими осуществляем мы, мы же и финансируем эти работы, то есть контролируем расходование средств. К тому же, мы уполномочены определять полезность тех или иных работ, целесообразность их проведения, а иногда можем приостановить разработку той или иной темы. Таким образом, мы являемся связующим звеном между научным центром НПО «Припять», МНТЦ «Укрытие» и непосредственно объекта «Укрытие» и распоряжаемся средствами, выделяемыми на разработку исследовательских программ.

— Вам уже есть чем похвастаться?

— Задачи, поставленные перед отделом, выполняются, хотя, может быть, не в полном объеме. На 1993 год утвердили программу работ НПО «Припять», МНТЦ «Укрытие», «Чернобыльлесса», других предприятий, которые мы финансируем. В этом вопросе у нас имелись определенные трудности. Так, для того, чтобы определиться с программой того

или иного предприятия на какой-то период, прежде всего надо проконтролировать выполнение обязательств за предыдущий год. С мая прошлого года специалистами Администрации проводили выборочную проверку всех подразделений зоны отчуждения, проверили соответствие работ проектно-сметной документации. В ходе проверки выяснилось, что часть работ велась без необходимых документов. Случались ситуации, которые попросту не укладывались в голову. Например, спрашиваем у руководителя одного из подразделений: «Вы свою программу работ имеете, она где-нибудь утверждалась?» Говорит, нет, шесть лет работали без какой-либо бумажки, так и впредь будем работать. А были случаи, когда мы попросту были вынуждены останавливать работы, пока у руководителей не будет расписания, что им делать и сколько это должно стоить.

На этот год на выполнение производственно-хозяйственной деятельности в зоне отчуждения Кабинетом министров Украины выделено 17 млрд. карбованцев. Работы первого квартала мы уже профинансировали и предприятия получили причитающиеся им суммы. Однако 17 млрд. — это ориентировочная цифра, которая может измениться в ту или иную сторону. Сейчас в Минфине от нас требуют оставить те работы в зоне, без которых нельзя обойтись. Мы остановились на нескольких приоритетных, на наш взгляд, задачах: предупреждение миграции нуклидов за пределы зоны, водоохране, противопожарном состоянии лесов, подготовке пунктов локализации радиоактивных отходов и некоторых других.

Однако, как ни грустно, некоторые работы в зоне все же проводятся без документации, но с нашего разрешения. К примеру, снос ветхих сооружений НПО «Припять» производит без разрешения вышних инстанций, несмотря на то, что такие документы разработаны.

Для того, чтобы не ошибиться в правильности принимаемых решений, при Администрации зоны отчуждения создан научно-технический совет. В его состав входят научные кадры предприятий зоны, институтов Украины, представитель Госатомнадзора.

— А зарубежных ученых вы привлекаете?

— Вы, наверное, имеете в виду ученых России и Беларуси? Российских ученых в первое время мы привлекали, но с возникновением трудностей взаиморасчетов между Украиной и Российской Федерацией от их услуг пришлось отказаться.

С белорусами у нас вообще странные взаимоотношения. Поясню. Чтобы украинское правительство выделило средства на ликвидацию последствий Чер-

нобыльской катастрофы, нужно точно знать, во что они конкретно будут вложены, то есть нужна концепция развития зоны. Когда Администрация приступила к своей деятельности, мы бросились на поиск учреждения, которое такую концепцию могло разработать. Наш выбор остановился на киевском институте «Энергопроект», который, кстати, занимался разработкой вывода Чернобыльской АЭС из эксплуатации. Но так как зона простирается на территорию не только Украины, но и Беларуси, было принято решение привлечь белорусских специалистов к выработке взаимоприемлемой и скоординированной концепции. К нам приехала делегация, как говорится, на самом высоком уровне во главе с заместителем министра Госкомчернобыля Беларуси и с целым штатом начальников отделов, специалистами, занимающимися проблемами Чернобыля. Мы провели ряд совместных заседаний, передали им разработанное Администрацией техническое задание и разработанный «Энергопроект» проект концепции 30-километровой зоны. Они нас поблагодарили, уехали домой, а через некоторое время нас известили, что у них к этому времени создана собственная концепция и техническое задание, так что мы можем их больше не тревожить.

Теперь возьмем две концепции — украинскую и белорусскую. Они схожи как сиамские близнецы, только вместо Украины наши соседи записали — Беларусь. И только в части отношения к сносу пожароопасных и ветхих сооружений у белорусов другое отношение. Они не собираются их сносить, время и природные процессы сами сделают, так они считают, свое дело. Возможно, они правы, поскольку и наши ученые сомневаются в целесообразности подобной акции.

— То есть, вы считаете, что разрабатываемые украинской стороной документы были незаконно присвоены?

— Выразусь точнее: они были украдены.

— А как относятся в Администрации к нахождению в зоне отчуждения зарубежных институтов и отдельных специалистов?

— Начнем с России. Известно, в бывшем Союзе почти весь научный потенциал — ученые и средства — концентрировался в основном в московских институтах, а с развалом СССР так получилось, большинство научных учреждений, работавших в зоне, оказались зарубежными. В первое время и они, и мы надеялись продолжать сотрудничество, но здесь возникла преграда: нежелание политиков и

Средств не хватает. И доверия нет

(Окончание. Начало на 1 стр.)

экономистов наладить нормальные, как в цивилизованных странах, взаиморасчеты.

Сейчас под угрозой срыва оказалась программа «Вектор», над разработкой и внедрением которой работали в основном российские организации. Только в прошлом году по этой программе выполнено лишь 20 процентов общего объема работ, и я так прикидываю, что в 1993 году ситуация не улучшится. Но и за эти 20 процентов людям нужно сказать большое спасибо, ибо по существу они работали на голом энтузиазме, не получая должного денежного вознаграждения.

Словом, коллектив, который работал над программой «Вектор», практически распался. В настоящее время СИП «Комплекс», непосредственно отвечающее за разработку и создание этого комплекса, вынуждено подыскивать научные кадры в Украине. Они есть, однако не каждого заманишь в зону на такую, скажем прямо, незавидную зарплату.

На днях мы договорились, что первую часть «Вектора» уже нужно утверждать: проект прошел все инстанции, согласован в Кабинете министров. Это нужно сделать поскорей, потому что создание комплекса снимет многие проблемы по переработке и хранению радиоактивных отходов. Сейчас РАО в зоне хранятся в могильниках, пунктах отстоя и захоронения радиоактивных отходов, много загрязненных материалов и мусора складированы траншейным способом.

Так же в эти дни согласовывается вторая очередь. И еще одна проблема, связанная с «Вектором». Дело в том, что заказы на изготовление оборудования, тех или иных узлов и агрегатов россияне размещали исключительно на российских предприятиях. В настоящее время они не в состоянии выполнять эти заказы, но и отдать их украинским предприятиям ни в какую не соглашались — требуют бартер сахаром, мясом, мукой и пр. Вникните в суть: «Вектор» разрабатывался в пору существования Союза, много говорилось об общегосударственном хозяйственном комплексе, однако тенденции загорабастать себе побольше, загрузить российские производства в ущерб делу лежала на поверхности. И это при всем при том, что украинские производители необходимую продукцию могли изготовить не хуже, а то и

значительно лучшего качества. Но здесь может идти речь уже об амбициях...

— Вы довольны всем, что сейчас происходит в 30-километровой зоне?

— Я вам честно скажу, полного удовлетворения я не испытываю. Сложилось мнение, что люди, работающие здесь, совершают какой-то подвиг, если не ударным трудом, то лишь фактом своего присутствия в зоне. Мне кажется, что кроме подвига, совершенного ликвидаторами в первые дни после чернобыльской аварии, ничего героического в зоне нет. И я не устану повторять, что такое количество людей, которое находится в зоне, совершенно неоправдано. Непосредственно на участках ликвидации аварии работают каких-нибудь 600 — 700 человек. Я не говорю о работниках ЧАЭС, поскольку их труд действительно приносит доход государству и они не сидят на госбюджете. Сейчас безболезненно из зоны отчуждения можно вывести процентов 70 всего состава и это пойдет только на пользу и зоне, и государству. Я не знаю, кто стоит за спиной тех предприятий, которые почти не работают, а только создают видимость необходимости своего присутствия в зоне.

Конечно, регламентные работы, без которых не обойтись, выполнять необходимо. В конце прошлого года в основном создано предприятие «Чернобыльлес». Правительство перед Администрацией поставило задачу решения проблемы лесов 30-километровой зоны, а их у нас более 102 тысяч гектаров. Основной задачей «Чернобыльлеса» будет борьба с пожарами. Почему этот вопрос так остро стоит? Потому, что с пожарами должны бороться специалисты, а не случайные люди. Даже обычные пожарные отличаются от пожарных-лесников. Пожарный может потушить горящий дом, возгорание продуктопровода и т. п., а лес — специфическая среда, здесь нужна специальная техника, правила поведения и еще очень много другого. При «Чернобыльлесе» создана мощная пожарно-химическая станция с необходимым набором механизмов, специалистов. Будем надеяться, что страхи прошлого года, когда огнем была уничтожена значительная территория лесов зоны отчуждения, не повторятся.

Мы не забываем, что лес нужно не только оберегать от огня, но и ухаживать за ним, заниматься

лесовосстановлением. Для этих целей на базе отдела сельхозрадиологии НТЦ НПО «Припять» создан питомник для выращивания саженцев лесных культур. Им будет производиться заселение бывших сельхозугодий, старых и новых горельников.

Нужно быть готовыми и к борьбе с лесными вредителями. Помню, в семидесятых годах на леса чернобыльского района напал один такой вредитель, так он за короткое время уничтожил значительную часть хвойных деревьев. Бывало, идешь по лесу, любуешься красотой знакомой ели, а на завтра от нее остались лишь голые ветки. Не хватало нам кроме пожаров и лесных вредителей.

— Все время после аварии говорится о необходимости использования зоны как научного полигона и проблеме вывоза за пределы Украины ценной научной информации. Во всем мире наука и все что с ней связано поставлена на коммерческую основу. Когда Украина начнет получать прибыль от использования зоны в научных целях?

— Мне не редко приходилось слышать от зарубежных ученых желание работать в зоне и платить за использование чернобыльского полигона полноценной валютой. На Западе именно так бы и поступили, мы же почему-то стесняемся с тех же институтов России брать плату за нахождение в зоне.

— Но научная продукция тем не менее вывозится, часто в обход Украины, и уже за рубежом кто-то неплохо ею торгует.

— Этот вопрос относится к компетенции нашего отдела. В нынешнем году, предполагаем, научной продукции будет меньше уплывать за кордон, ведь многие зарубежные специалисты уехали домой, а их места заняли украинские исследователи. В остальном все в порядке — многие научные разработки задаром вывезены в другие страны.

Мы работаем, пытаемся выяснить, какие материалы и сколько нами безвозвратно потеряно, но проблема существовала, существует и будет существовать до тех пор, пока в зоне будет работать хоть один человек из ближнего зарубежья. Я ничего не имею к таким работникам НПО «Припять», МНТЦ «Укрытие», других объектов, они все-таки профессионалы, но Россия им ближе, а значит, есть опасность, что ценный научный производственный материал достанется ей, а не Украине.

Интервью взял Виталий РОМАНОВ.

Р. С. В конце беседы Н. Н. Урупа пообещал в ближайшее время снова встретиться с корреспондентом и поговорить о других аспектах деятельности Администрации зоны отчуждения.

Фото (на 1 стр.) ликвидатора Георгия ОВСИЕНКО.